

Глава 65. Зеркало 13

Девочка, которую держал Мин Чжаолинь, выглядела потрясённой:

— Как ты вообще это понял?!

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Ещё и разбор полётов?.. Ладно.

Он небрежно продолжил:

— Возможно, у тебя и есть все мои воспоминания до восьми лет. Возможно, ты старалась копировать меня — мою холодность, замкнутость, нелюбовь к себе. И копировала неплохо.

Лу Хуэй не стеснялся разбирать восьмилетнего себя при Мин Чжаолине — того самого беспомощного ребёнка. Считал это маленькой данью вине перед ним. Хотя, честно говоря, это лишь эгоистичный «эквивалентный обмен» — сам Лу Хуэй понимал, что это ничего не компенсирует.

Его голос оставался ровным:

— Но ты — не я. Даже с моими воспоминаниями. Даже если ты сознательно давала подсказки, чтобы скрыть разницу в интеллекте — ты всё равно не я. Если бы это был настоящий восьмилетний «я» — он бы вёл диалог, а не молчал в тени. Слишком прозрачно. Совсем не похоже на меня. Не говоря уже о том... Что с того момента, как «маленький я» сказал: «Я заранее установил ограничения для игры с боссом и сказал, что нельзя менять условия по ходу. И он их честно соблюдал», — я почувствовал фальшь. Восьмилетний я никогда бы не поверил, что дети — честные создания, что правила для них святы. В твоих словах была нарочитая плоскость, будто ты копировала его холодность по учебнику. А ещё... Я скорее верю нынешнему себе, чем прошлому. Тем более что сам маленький Лу Хуэй оставил записку: [НЕ ВЕРЬ МНЕ].

— И ещё... — Лу Хуэй усмехнулся. — Когда ты отправила Мин Чжаолиня ко мне — я окончательно убедился.

Девочка в недоумении уставилась на него.

Лу Хуэй вздохнул:

— Ты испугалась, что я не справлюсь с «прошлым мной», которого ты подменила собой. Увидела, как Мин Чжаолинь без раздумий раздавил твою копию — и решила подбросить мне его сюда. Ты рассчитывала, что он убьёт «тебя», ты проиграешь пари с восьмилетним мной — и всё решится без твоего участия. Верно?

Он улыбнулся, обращаясь к Мин Чжаолиню:

— Да, Мин Чжаолинь.

Тот лениво приподнял веки: «?»

Лу Хуэй сиял почти ослепительно:

— Ты, наверное, не знаешь, но восьмилетний я, услышав, что ты убил девочку просто потому, что она шумела — даже если это босс инстанса, — посмотрел бы на меня с сомнением. Усомнился бы, точно ли это будущий он?

Маленький Лу Хуэй, сидевший у него на руках, промолчал: «.....»

Верно.

С появления Мин Чжаолиня он уже сомневался: не ловушка ли это [Брата] и [Сестры]? Не подделка ли этот «взрослый я»?

Но сейчас, увидев его действия и услышав слова, сомнения рассеялись.

Лу Хуэй перевёл взгляд на остолбеневшую девочку:

— Хватит? Или продолжить? Исполни условия пари.

Девочка приоткрыла рот — и вдруг завопила:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Мин Чжаолинь, сжимавший ей горло, не смог её остановить. Пришлось терпеть этот истеричный крик — пока под его пальцами девочка не исчезла, превратившись в голову куклы Барби.

Лу Хуэй с облегчением выдохнул:

— Хорошо, хоть не настолько безумна, чтобы снова нарушить слово.

Маленький Лу Хуэй холодно добавил из его объятий:

— Те, кто нарушает обещания, всегда ищут отговорки. В первый раз — потому что я взял ручку для самозащиты, и [Брат] решил, что я хочу его убить, поэтому заставил меня переписать вторую записку. А что до этой игры... Изначально все игроки должны были столкнуться с проекцией [Сестры]. Если сумеют её задобрить, она сама отдаст голову куклы к концу Дня защиты детей. Но наш случай оказался особенным — [Сестра] заявила, что я, будучи мальчиком, полез в её девчачий шкаф, а потому заслуживаю наказания.

Лу Хуэй: «?»

Вопрос остался, но действия [Брата] и [Сестры] всё же напоминали детскую капризность — не ту безнадёжную «смену правил», о которой он думал.

Настоящий «обман» — это когда в правилах странного поведения монстр обещает: «Если вы зайдёте в дом до девяти — я вас не трону», — а потом, без намёка на обман, врывается и убивает. Тогда логика инстанса рушится.

Тогда это уже не инстанс, а просто беготня по мирам с убийством монстров.

Поэтому Лу Хуэй и предположил, что босс инстанса, вероятно, ребёнок.

Судя по новостям о пропавших детях и дате начала — Дню защиты детей.

А дети жульничают — это нормально.

Но даже их жульничество имеет границы. Вот как сейчас, когда [Сестра] не нашла предлога — и вынуждена была отдать голову.

И право нарушать правила в его случае тоже имело основание. Ведь маленький Лу Хуэй нарушил изначальный баланс игры: его помощь другим игрокам была незаметной, но Лу Хуэю — абсолютной.

Как в том случае с [Правилами Санатория 444], когда Мин Чжаолинь пронёс туда оружие — да ещё и предмет из другого инстанса, и система создала мощнейшую лопату для мусора, чтобы его наказать.

Но даже когда та попала в руки Лу Хуэя, система не снизила её «убойность». Она оставалась

такой же смертоносной.

Лу Хуэй заполучил её благодаря своему уму, а значит, имел право ею пользоваться.

То же самое и сейчас: пара «жульничеств» повышает сложность, но ведь были и намёки на детскую натуру босса, и разрешение маленькому Лу Хуэю написать [НЕ ВЕРЬ МНЕ], предупреждая о возможном обмане. А уж когда головоломку разгадали — награду система не отберёт. Не станет мешать тому, чего игрок добился честно.

— ...Подождём пока с собиранием куклы.

Маленький Лу Хуэй, освободившись из объятий, сразу заговорил:

— Не уверен, останусь ли я после сборки. Мне нужно кое-что сказать.

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь, глянул на ребёнка, который даже не удостоил его взглядом, и мысленно отметил, что аура у него и правда сильнее, чем у взрослого.

...И правда — совсем другой.

Мин Чжаолинь усмехнулся, вертя в пальцах голову куклы Барби. В глазах плясали искры удовольствия.

Лу Хуэй кивнул:

— Говори.

Маленький Лу Хуэй говорил быстрее обычного — то ли потому что спешил, то ли по привычке. Сам Лу Хуэй в моменты анализа тоже так заговаривался — и собеседник мог легко отстать.

— Первое: система. Не знаю, в курсе ли вы, но босс упомянул [систему] дважды. Первый раз: «[Система] не позволит нам не оставить вам путь к спасению». Второй — когда [Сестра] предложила пари. Я попытался вытянуть больше информации спросив не передумают ли они, если я соглашусь, а они проиграют. И тогда она ответила, что такого не произойдёт, потому что [система] постоянно следит.

Он замолчал, но, увидев выражение лица Лу Хуэя, уверенно добавил:

— Ты уже это понял.

Маленький Лу Хуэй нахмурился:

— Сколько ты здесь?

Лу Хуэй протянул:

— Угадай.

Маленький Лу Хуэй тут же смекнул что отношения с этим «Мин Чжаолинем» у него недостаточно близкие, поэтому не может рассказать.

Поэтому не стал допытываться:

— Тогда второе. Фарфоровая кукла в шкафу очень похожа на [Брата]. Мне показалось, [Брат] полностью подчиняется [Сестре] и готов отдать ей всё самое лучшее. Поэтому я думаю, что сюжет инстанса — о «почитании мальчиков» в семье и последующем «омрачении» [Сестры]. [Брат] сам сказал, что зеркальный мир — это «мир [Сестры]». Но здесь [Брат] почти не появляется, а превратился в куклу и заперт в шкафу. К тому же несколько кукол из комнаты [Сестры] я видел в зеркальном коридоре — в той самой комнате. Это подтверждает, что там находятся ваши «прошлые» версии, восьмилетние вы. Так что, скорее всего, те куклы — это игроки, которые не сумели её задобрить, и она их превратила в кукол.

Если так, то ситуация с [Братом], запертым в шкафу, становится... слишком неоднозначной.

Лу Хуэй промолчал и маленький Лу Хуэй продолжил:

— Третье. В моей комнате дата была [28 мая]. Не знаю, был ли у вас такой день, но ключ оттуда, скорее всего, самый важный.

Он не спросил, сможет ли Лу Хуэй различить четыре ключа и просто продолжил:

— Четвёртое. В спальне на первом этаже — родительской — я увидел лекарства. Не знаю, для чего. Гранулы леонуруса*, таблетки Синьшэнхуа** и пачка амоксициллина*** от воспаления.

* 益母草 (yìmǔcǎo) — традиционное китайское название растения *Leonurus japonicus* (пустырник / леонурус). В ТКИМ применяется преимущественно в гинекологии: для регуляции цикла, после родов, при застое крови.

** 新生化 (xīnshēnghuà) — название патентованной формулы ТКИМ. Дословно: «новое рождение / трансформация». Применяется для послеродового восстановления, очищения и регенерации.

*** Амоксициллин (кит. 阿莫西林, Āmòxīlín) — распространённый антибиотик пенициллиновой группы.

Лу Хуэй хотел сказать, что знает, что амоксициллин — антибиотик. Но маленький Лу Хуэй и сам это знал — просто привык уточнять. Как раньше...

Лу Хуэй не посмел перебить.

Маленький Лу Хуэй наконец замолчал на секунду:

— ...И ещё.

Он чуть шевельнул головой — будто хотел тихонько глянуть на Мин Чжаолия, который открыто подслушивал, но не решился, а поднял глаза на Лу Хуэя.

Тот понял намёк, но проблема была в том, что Мин Чжаолия он не контролировал:

— Говори прямо.

Маленький Лу Хуэй, видимо, так и предполагал:

— Не знаю почему, но ты особо привлекаешь босса. Он несколько раз повторял, что хочет тебя съесть. Остерегайся его.

Лу Хуэй задумчиво:

— Может, потому что у меня тонкая кожа и сочное мясо?

Маленький Лу Хуэй:

— ...Псих.

Эти слова заставили Мин Чжаолия ещё громче рассмеяться.

Лу Хуэй бросил на него убийственный взгляд — мол, заткнись и делай вид, что тебя нет.

Мин Чжаолия ответил ему многозначным взглядом: карма, братишка.

Ведь недавно он сам называл его психом.

— ...Это всё, что мне известно. Плюс то, что сказала тебе [Сестра].

Лу Хуэй кивнул:

— Хорошо. Я запомнил.

Маленький Лу Хуэй повернулся к Мин Чжаолиню:

— Собирай.

Мин Чжаолинь: «?»

Почему и большой, и маленький так любят им командовать?

Он встретился взглядом с холодными, явно враждебными глазами ребёнка, вопросительно приподнял бровь — и вдруг усмехнулся.

Он поднял руку, но не успел коснуться головы мальчика, как тот с силой отбил её:

— Чего тебе?

Мин Чжаолинь глянул на покрасневшую тыльную сторону ладони, потом на улыбающегося «большого», и фыркнул.

Хотел просто погладить по голове. Эта версия Цзюнь Чаоманя выглядела чересчур мило — особенно взгляд... Мин Чжаолинь порылся в своей скудной словесной сокровищнице — и не нашёл подходящего описания.

Но других мыслей у него не было. Просто показалось милым. И он вдруг осознал, что не все дети вызывают отвращение. Этот — даже симпатичный.

Поэтому, криво усмехнувшись, Мин Чжаолинь ничего не сказал и не сделал — просто приставил голову куклы Барби.

Платье Лу Хуэй уже надел раньше. Теперь кукла была целой — но ничего не произошло.

Маленький Лу Хуэй:

— Расчеши волосы. Так она похожа на сумасшедшую.

Лу Хуэй молча прикрыл ладонью половину лица.

Мин Чжаолинь: «?»

Он снова многозначительно посмотрел на Лу Хуэя:

— А-Мань, ты в детстве ещё и в причёсках разбирался?

Лу Хуэй взял куклу из его рук, проигнорировав вопрос, и сказал ребёнку:

— У меня уже руки не те.

Маленький Лу Хуэй бережно взял куклу. Его загрубевшие от работы пальцы, несмотря на мозоли, удивительно нежно и сосредоточенно скользнули по волосам, сплетая две тонкие косички по бокам, которые затем были собраны сзади. И вот, перед ним предстала настоящая причёска принцессы. Довольный, он ещё и юбку поправил.

Едва он закончил по дому разнёсся звук.

Дверь щёлкнула. Лу Хуэй и Мин Чжаолинь почти одновременно оглянулись, а повернувшись обратно — увидели, что кукла и маленький Лу Хуэй исчезли.

Лу Хуэй посмотрел на место, где сидел ребёнок. Он уже было хотел сказать Мин Чжаолиню, что у него в детстве была сестра... Но осёкся, вспомнив, что уже рассказывал ему о том, как отец заставлял его выступать на улицах ради денег, избивал...

А.

Ладно.

Лу Хуэй поднялся:

— Пошли.

Уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке:

— Посмотрим, не открылась ли дверь в другой мир.

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— Ты хотел что-то сказать?

Лу Хуэй обернулся:

— М-м... спасибо?

Мин Чжаолинъ: «?»

Он тихо хмыкнул:

— Опять специально тошнишь? А-Мань, не слышал про «око за око»?

Лу Хуэй:

— Тогда в следующий раз не отвечай тем же.

Мин Чжаолинъ:

— Так я ж в проигрыше и окажусь.

Лу Хуэй косо глянул:

— Видишь? С таким подходом о каком «око за око» речь?

Мин Чжаолинъ развёл руками.

За время их перепалки они добрались до двери.

Лу Хуэй без колебаний нажал на ручку. Дверь открывалась внутрь. Распахнув её, они увидели зеркало — чётко отражающее их обоих, окружение, всё позади. Из-за излишней чёткости возникало жутковатое ощущение.

Лу Хуэй вспомнил слова маленького «я», поднял руку и приложил к зеркалу. Как и ожидалось — ладонь прошла сквозь поверхность.

Но прежде чем он шагнул вперёд, Мин Чжаолинъ схватил его за запястье.

Даже сквозь рукав это застало Лу Хуэя врасплох.

Он обернулся. Мин Чжаолинъ выглядел совершенно естественно:

— Если и сейчас нас разлучат — тогда уж точно без вариантов.

Лу Хуэй кивнул и позволил Мин Чжаолиню вести себя в зеркало, невольно подумав:

Стоп. А зачем ему вообще со мной тащиться?

Авторское послесловие:

Ой-ой-ой-ой-ой ///v///

<http://bllate.org/book/12898/1583806>